

*Таньшина Н.П.**

«Дилемма безопасности» как ахиллесова пята Венской системы

Аннотация: Статья посвящена анализу противоречий Венской системы международных отношений. Автор отмечает, что Венская система, основанная на принципах «баланса сил» и «коллективной безопасности», снабженная механизмом «сдержек и противовесов», оказалась весьма пластичной конструкцией, выдержавшей испытание целым рядом серьезных международных кризисов, но сумевшей избежать всеобщей войны. В то же время, делается вывод в статье, слабость системы «коллективной безопасности» заключалась в наличии так называемой «дилеммы безопасности», когда безопасность одной страны воспринималась как потенциальная угроза для другой. Это противоречие наиболее ярко проявилось во время Крымской войны, нарушившей хрупкое равновесие между внутрисистемными противоречиями и способами их мирного разрешения.

Ключевые слова: Венская система международных отношений, «дилемма безопасности», «баланс сил», «европейски концерт», коллективная дипломатия

УДК 94(430).064

Abstract: The article is devoted to the analysis of the Vienna system of international relations contradictions. The author notes, what the Vienna system, based on the principles of "balance of power" and "collective security", equipped with a mechanism of "checks and balances", became a very plastic construction withstanding a number of serious international crises and avoiding a general war. At the same time, the author concludes, so-called "security dilemma", when the security of any country was perceived as a potential threat to others, demonstrated the weakness of the "collective security" system. This contradiction manifested with obvious clarity during the Crimean War, that violated the fragile relationship between intrasystemic disagreements and the ways of their peaceful elimination.

Key words: The Vienna system of international relations, "security dilemma", "balance of power", "European concert", collective diplomacy

Современные международные отношения отличает не только беспрецедентная динамика, но сложность и многомерность¹. Биполярный мир холодной войны канул в Лету, на смену ему пришла

* *Таньшина Наталия Петровна* – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории отделения истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; ведущий научный сотрудник лаборатории западноевропейских и средиземноморских исторических исследований исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета (e-mail: nata.tanshina@mail.ru).

не монополярность, а динамично развивающаяся новая международная система, многополюсная и многомерная. Генри Киссинджер в одной из последних своих монографий «Дипломатия» предсказывал: формирующиеся после холодной войны международные отношения все больше будут напоминать европейскую политику XIX века, когда традиционные национальные интересы и меняющееся соотношение сил определяли дипломатическую игру, образование и распад союзов². Е.М. Примаков в бытность свою министром иностранных дел уделял значительное внимание феномену зарождения многополярности.

Отсюда закономерен интерес, проявляемый к Венской системе международных отношений, образованной после окончания Наполеоновских войн в 1815 г. Она представляла собой новый европейский порядок, сравнимый по своему содержанию и последствиям с такими фундаментальными международными системами, как Вестфальская, Версальская, Ялтинско-Потсдамская и современная, еще не получившая наименования.

При огромном количестве литературы о Венской системе весьма дискуссионными остаются вопросы о ее сущности, целях и объективных результатах³. Что это было: удачный пример коллективной дипломатии, когда пентархия европейских лидеров пыталась коллегиально решать возникающие международные проблемы? Либо это было исключением из правил?

В историографии, особенно советской⁴, было принято указывать на непрочность и недолговечность Венской системы, а в качестве подтверждения приводить изменения, последовавшие в результате европейских революций и обострения Восточного вопроса. Из негативного восприятия Венской системы проистекало и стремление доказать ее неэффективный, заведомо ограниченный по времени и структуре характер, поставить во главу угла центробежные факторы внутри нее. Иногда вообще вместо термина «Венская система» использовалось понятие «Священный союз», что заведомо сужало ее рамки и подчеркивало ее одиозность⁵.

Любопытно, что большинство творцов Венского урегулирования, кроме императора Александра I, верившего в его мессианское начало, относилось к своему детищу весьма скептически, предрекая ему короткую жизнь. Парадокс, однако, состоит в том, что во многом благодаря положениям, выдвинутым именно скептиками – в частности, идее Роберта Каслри о периодическом созыве

¹ Исследование осуществлено по гранту Правительства Российской Федерации в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013 – 2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045.

² Киссинджер Р. Дипломатия. М., 1997. С. 15.

³ См.: 200 лет Венской системе: проект и практика европейской дипломатии. Материалы IX Конвента РАМИ (Москва, 27-28 октября 2015 г.). Под ред. А.В. Ревякина. М., МГИМО, 2016.

⁴ О современной российской историографии см.: Ревякин А.В. Венская система в современной отечественной историографии // 200 лет Венской системе: проект и практика европейской дипломатии. Материалы IX Конвента РАМИ (Москва, 27-28 октября 2015 г.). Под ред. А.В. Ревякина. М., МГИМО, 2016. С. 6-40. О Венской системе в британской историографии см.: Романова Е.В. «Европейский концерт» в зеркале британских и американских исследований XX века // 200 лет Венской системе: проект и практика европейской дипломатии. С. 41-64.

⁵ О консервативных ценностях Венской системы см.: Володихин К.М. Консервативные ценности Венской системы международной безопасности // 200 лет Венской системе: проект и практика европейской дипломатии. С. 189-196.

общеευропейских конгрессов – была достигнута неожиданно высокая жизнеспособность Венской системы как средства мирного сосуществования в обстановке, к миру не располагающей.

Относительно целей Венской системы в современной науке также нет единого мнения. Согласно одной позиции, главная цель Венской системы состояла в предотвращении большой европейской войны, в известном смысле – мировой. После пертурбаций, вызванных Французской революцией и Наполеоновскими войнами, европейские лидеры на Венском конгрессе 1815 г. восстановили равновесие сил и на смену ставке на грубую силу стали приходить поиски умеренности в отношении поведения стран на международной арене благодаря введению моральных и юридических сдерживающих факторов⁶.

Есть и другой подход. По мнению Г. Киссинджера, система равновесия сил не предполагала предотвращения кризисов или даже войн. Функционируя нормально, она, согласно замыслу, лишь ограничивала масштабы конфликтов и возможности одних государств господствовать над другими. Целью ее был не столько мир, сколько стабильность и умеренность⁷.

В результате после Венского конгресса в Европе наступил самый продолжительный период мира за всю ее историю. В течение сорока лет не было ни единой войны с участием великих держав, а после Крымской войны войн всеобщего характера не было еще лет шестьдесят. С этой точки зрения прямые или косвенные последствия договоров 1815 г. – несомненны.

Однако система равновесия сил не в состоянии полностью удовлетворить каждого из членов международного сообщества. Наилучшим образом она срабатывала тогда, когда была способна снизить уровень неудовлетворенности до такой степени, при которой обиженная сторона не стремилась ниспровергнуть международный порядок. Именно так поступили с побежденной Францией в 1814-1815 гг. Главный возмутитель спокойствия и агрессор не был подвергнут унижению, сколько бы ни твердили обратное французские историки. Уже в 1818 г. по условиям Ахенского конгресса Франция была возвращена в состав «европейского концерта» в качестве необходимого элемента равновесия на континенте. Поэтому Венский конгресс, в отличие от Версальского 1919 г., не породил столь оголтелого реваншизма, при том, что реваншистский элемент всегда присутствовал в общественном мнении Франции вплоть до Крымской войны⁸.

Венская система выдержала испытание целым рядом серьезных международных кризисов и локальных конфликтов, но сумела избежать всеобщей войны. Это и Восточный кризис 1820-х гг., и события бурного начала 1830-х гг., и очередное обострение Восточного вопроса на рубеже 1830-1840-х гг.⁹ Во всех этих случаях сложнейшие вопросы удавалось решать за столом переговоров.

⁶ См.: Ревякин А.В. История международных отношений в новое время. М., 2004; Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700-1918 гг.. М., 2004.

⁷ Киссинджер Г. Указ. соч. С. 13.

⁸ Там же. С. 69.

⁹ О Восточном вопросе в рамках Венской системы см.: Кудрявцева Е.П. Восточный вопрос в годы Венской системы международных отношений // 200 лет Венской системе: проект и практика европейской дипломатии. С. 112-126.

Однако достигать этого компромисса было всегда очень сложно. Большинство ученых сходятся во мнении, что основной движущей силой Вестфальской системы международных отношений (а Венскую систему иногда рассматривают как одну из ее подсистем) было соперничество между государствами: одни стремились увеличить свое влияние, а другие – не допустить этого. Главный недостаток Венской системы заключается в слабости самой идеи коллективной безопасности¹⁰. Ведь интересы отдельных стран редко совпадают полностью, а безопасность одной воспринимается как потенциальная опасность для других¹¹ – это и есть та самая «дилемма безопасности»¹². Коллизии между государствами определялись тем фактом, что национальные интересы, воспринимаемые как жизненно важные одними государствами, вступали в конфликт с национальными интересами других государств. Несмотря на то, что сам термин «дилемма безопасности» был введен в научный оборот Джоном Херцем в 1951 г. и применяется сторонниками концепции политического реализма относительно современных международных отношений, его, на мой взгляд, его вполне приемлемо использовать при характеристике международных отношений первой половины XIX в. (такой подход присущ Г. Киссинджеру и в целом англо-саксонской школе)¹³.

Исход соперничества, как правило, определялся соотношением сил между государствами или союзами, в которые они вступали для достижения своих внешнеполитических целей. Установление баланса сил означало период стабильных мирных отношений; его нарушение в конечном счете вело к войне и восстановлению его в новой конфигурации, отражающей усиление влияния одних государств за счет других.

По мнению Г. Киссинджера, этот международный порядок, который откровеннее, чем любой из предыдущих, базировался на принципе равновесия сил, потребовал гораздо меньшего применения силы для его поддержания. Столь уникальное положение дел было отчасти обусловлено тем, что равновесие было рассчитано весьма тщательно. Оно могло быть разрушено лишь усилиями такой мощи, собрать которую было бы весьма затруднительно¹⁴.

Пентархия, как средство предотвращения катаклизмов, долгое время демонстрировала свою эффективность. Там, где Россия не могла опереться на Священный союз, она искала и находила партнеров

¹⁰ См.: Таньшина Н.П. Венская система: национальные партитуры в «европейском концерте» (к вопросу о соотношении национальных интересов и коллективной безопасности) // 200 лет Венской системе: проект и практика европейской дипломатии. С. 175-188.

¹¹ Киссинджер Г. Указ. соч. С. 78.

¹² Дилемма безопасности (Security dilemma) – парадоксальная ситуация, при которой как рост национальной безопасности государства, так и его ослабление могут вызвать угрозу со стороны других государств. Впервые был описан Дж. Херцем в работе «Политический реализм и политический идеализм» в 1951 г. О дилемме безопасности см.: Herz J. Political Realism and Political Idealism. Howard, 1951; Herz J. Idealist Internationalism and the Security Dilemma // World Politics. Vol. 2. № 2 (1950). P. 171–201; Booth K., Wheeler N. The Security Dilemma: Fear, Cooperation and Trust in World Politics. N.Y.: Palgrave MacMillan, 2008; Алексеева Т.А. Дилеммы безопасности: американский вариант. Полис. 1993. № 6; Тимофеев И.Н. Дилемма безопасности: риск вооруженного конфликта между великими державами // Полис. 2009. № 4. С. 8-34.

¹³ Киссинджер Г. Указ. соч. С. 12.

¹⁴ Там же. С. 67.

вне его. Так же поступала и Австрия. Что касается Великобритании, то она была еще свободнее в своих действиях. Лондон, традиционно играя роль балансира в европейской политике, блокировался с той или другой «великой державой»¹⁵. Принцип, сформулированный Г.Дж. Пальмерстоном, о том, что у Англии «нет вечных союзников и вечных врагов», принимал для нее сакраментальный смысл.

То есть по сути, перед нами пресловутая «дружба против кого-то». На конференции по урегулированию бельгийской проблемы в 1830–1831 гг. Россия, Австрия, Пруссия и Англия «дружили» против Франции; в 1833 г., после подписания Россией Ункяр-Искелессийского соглашения, Франция и Великобритания, несмотря на наличие между ними серьезных противоречий на Востоке, объединились против России; в ходе Восточного кризиса 1839–1841 гг. изгоем вновь стала Франция, а Великобритания объединилась с Россией. После окончания Восточного кризиса и возвращения Франции в «концерт держав», Россия попыталась еще больше укрепить свои связи с Англией и любовно договориться о двустороннем разделе Османской империи.

Эту систему для наглядности и, естественно, с большой долей упрощения, сравнивают с движением бильярдных шаров. Государства сталкиваются друг с другом, образуя меняющиеся конфигурации, и затем движутся снова в бесконечной борьбе за влияние или безопасность. Главный принцип при этом – собственная выгода, главный критерий – сила.

Все эти соглашения, в том числе и неформальные, были непрочные, конфигурация постоянно менялась, а дилемма безопасности постоянно давала о себе знать. Приведу лишь самые яркие примеры. Стремление Франции укрепиться в Бельгии после событий 1830 г., обезопасив свои границы, вызвало резкую критику со стороны всех европейских держав. Франция рассматривала присоединение части бельгийских провинций как защиту своих национальных интересов, Великобритания – как посягательство на нарушение баланса сил в Европе. Франция была вынуждена отказаться и от кандидатуры сына короля Луи-Филиппа, герцога Орлеанского, на вакантный бельгийский престол, довольствовавшись тем, что супругой Леопольда стала дочь короля Мария-Луиза¹⁶. В 1842 г. Франция, опять-таки, из-за противодействия Великобритании, была вынуждена отказаться от заключения таможенного союза с Бельгией: Англия воспринимала это соглашение как нарушение баланса сил в Европе¹⁷.

В ходе событий Восточного кризиса 1839-1841 гг. Франция, стремившаяся укрепиться в Египте, а заодно и Сирии, и воспринимая эту политику как реализацию своих национальных интересов и амбиций о превращении Средиземного моря в свое «внутреннее озеро», в результате оказалась в международной изоляции; более того, в воздухе запахло войной: Франция начала усиленно наращивать вооружения;

¹⁵ С Францией и Австрией Великобритания объединялась для обуздания того, что он считал неумеренными аппетитами Петербурга; со Священным союзом – для надзора за «реваншистскими» поползновениями Парижа; с Россией и Пруссией – для сдерживания гегемонистских устремлений Вены в германском вопросе.

¹⁶ Таньшина Н.П. Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии. М., 2005. С. 71-82.

¹⁷ О попытке заключения таможенного союза см.: Там же. С. 85-90.

казалось, вот-вот начнется война. Однако ценой уступок со стороны кабинета Сульта-Гизо в 1841 г. Франции удалось вернуться в «европейский концерт»¹⁸. Восточный кризис спровоцировал и «Рейнский кризис», когда французы и немцы начали бряцать оружием, а наследник престола, герцог Орлеанский даже заявил, что лучше умрет на берегах Рейна, чем в сточной канаве Парижа¹⁹.

В 1844 г. Франция, ведя военные действия в Алжире, оказалась на сопредельной территории Марокко, где укрылся эмир Абд-аль-Кадир, лидер алжирского сопротивления. Несмотря на успешные военные действия и победу на реке Исли, по условиям Танжерского договора Франция отказалась от территориальных и материальных компенсаций. Произошло это вследствие резкого противодействия Великобритании, которая никак не могла допустить усиления позиций Франции в непосредственной близости от Гибралтара²⁰.

В том же 1844 г. европейское равновесие было поставлено под угрозу так называемым «делом Притчарда», спровоцированным действиями французского адмирала Дюпти-Туара по отношению к бывшему английскому консулу на далеком Таити. В результате Франция была вынуждена пойти на уступки англичанам, отказалась от установления своего протектората на островах Общества (Товарищества) и согласившись выплатить Притчарду денежную компенсацию²¹. Везде срабатывала пресловутая дилемма безопасности, когда было важно не допустить усиления позиций другой державы.

Во всех этих случаях в общественном мнении европейских стран компромиссная политика властей воспринималась не иначе как антинациональная и угодническая. В той же Франции министра иностранных дел Франсуа Гизо называли не иначе как «лорд Гизо» или «лорд Валь-Рише». В целом в условиях роста национального самосознания подобные уступки воспринимались общественным мнением весьма болезненно. Это подтачивало Венскую систему изнутри, делало ее непопулярной в глазах широких слоев населения. Особенно сильно это проявлялось в общественном мнении Франции, где сама Венская система воспринималась как позорная и унижительная²².

Г. Киссинджер полагал, что главной причиной прочности Венской системы было то, что страны континента были связаны ощущением общности ценностей²³. Сила и справедливость гармонично дополняли друг друга. Установившееся равновесие уменьшало возможности применения силы; одинаковое представление о справедливости уменьшало желание ее применить.

Однако эта общность ценностей тоже не была постоянной. Чем дальше удалялись от 1815 г., тем больше Россия начинала восприниматься как экзистенциально «чужой», а не просто «Другой». Когда

¹⁸ О политике Франции в годы Восточного кризиса см.: Там же. С. 233-276.

¹⁹ *La Réforme*. 1843. 15 septembre.

²⁰ О военных действиях Франции на территории Марокко см.: Таньшина Н.П. Политическая борьба во Франции... С. 325-332.

²¹ См.: Там же. С. 333-350.

²² О восприятии Венской системы французами см.: Таньшина Н.П. Венская система и Венские соглашения: взгляд из Франции // *Россия и современный мир*. 2017. № 4 (97). С. 61-76.

²³ Киссинджер Г. Указ. соч. С. 67.

была общая опасность в лице Наполеона – этого старались не замечать. Когда позднее возникли опасения из-за растущего потенциала России – это стали торпедировать. Как правило, идеологические расхождения проявлялись тогда, когда сталкивались потенциальные интересы двух стран (или, скорее то, что субъективно и не всегда безошибочно осознавалось как «национальные интересы») ²⁴. Не случайно, рост русофобских настроений пришелся в Англии сразу на период после 1815 г., во Франции – на 1830-1840-е гг. Политика России воспринималась как экспансия и поток, а русские – как новые гунны, готовые заполнить Европу. Это и есть вынос на уровень массового сознания той самой «дилеммы безопасности»: массы пугают русской угрозой, русским медведем, – им так понятнее. Но за этой антирусской риторикой скрывалось реальное опасение нарушения баланса сил. Россию опасались из-за ее политики в Польше, из-за укрепления ее позиций на Востоке; в ходе революций 1848-1849 гг. стали смотреть как на «жандарма Европы». То есть, с одной стороны – «европейский концерт», общность принципов, с другой – очень сильные русофобские настроения, резко активизировавшиеся в моменты успешной внешней политики России. Показательно, что как только Россия стремилась усилить свои позиции, Англия и Франция забывали о своих противоречиях и объединялись против нее, то есть происходило изменение конфигурации сил внутри «пентархии». Так произошло в 1833 г., так произойдет спустя двадцать лет и дойдет до войны. Между французами и англичанами фобии не было, но неприязнь между народами сохранялась, отсюда и сложности, на которые наталкивались кабинеты двух стран, пытаясь проводить политику «сердечного согласия». Более того, общность либеральных принципов не могла сгладить реальные противоречия между странами, поэтому попытку сближения в историографии иногда называют «согласием на один день». Кроме того, сама Франция, действуя в рамках «европейского концерта» и «сердечного согласия» с Великобританией, пыталась в то же время создать под своей эгидой некий противовес английскому влиянию в виде так называемой «средиземноморской» или «Бурбонской» лиги ²⁵.

Поэтому возникает вопрос: столь длительное существование Венской системы является закономерностью или все-таки случайностью? Ведь даже сами ее отцы-основатели не верили в ее долговечность? Другое дело, что несмотря на всю ее хрупкость, войны глобального характера удавалось избегать, и в этом ее несомненная заслуга.

Устойчивость Венской системы была обусловлена более или менее безопасным соотношением между внутрисистемными противоречиями и способами их устранения, хотя бы и временного. Это соотношение сохранялось до тех пор, пока в сознании политиков реальная польза от всеобщего

²⁴ Дегоев В.В. Указ. соч. С. 301.

²⁵ О средиземноморской политике Франции см.: Mastellone S. La politique étrangère de Guizot // *Revue d'Histoire diplomatique*. 1957. № 4. Octobre-décembre. P. 375-376.

мира перевешивала потенциальные выгоды от всеобщей войны. Крымская война со всей очевидностью продемонстрировала слабость системы коллективной безопасности.

Гарантами Венской системы были столь непохожие друг на друга Россия – стержень консервативного Священного союза, и Англия – оплот либерализма. А главную угрозу ей составляла тайно или явно мечтавшая о реванше Франция, стремившаяся использовать в своих интересах ревизионистские, национально-освободительные и социально-реформаторские силы Европы.

Россия, с одной стороны, пугала британских лидеров, совершенно нетерпимых к любой гегемонии на континенте, с другой – она устраивала их своей политикой поддержания европейской стабильности и готовностью к сотрудничеству с Лондоном в этом направлении. Англию преследовал и страх перед перспективой хаоса в Европе и ужас перед диктатурой единственной державы, способной этот хаос предотвратить, что Россия и подтвердила в ходе революционных событий 1848–1849 гг.²⁶

В итоге Лондон решил, что нужно выбирать между священной для него доктриной европейского равновесия и преимуществами «долгого мира», во многом обеспеченного доминированием России в Европе. Россию сочли скорее угрозой спокойствию, чем фактором его сохранения. Принятию такого решения способствовали русофобские предрассудки британских политиков и общественности, вольные или невольные заблуждения видных членов правительства относительно планов России, милитаристские настроения в обществе. Нельзя сбрасывать со счетов личные просчеты Николая I.

Крымская война показала, что мнимые интересы возобладали над реальными угрозами, личные эмоции – над трезвым расчетом. Она разрушила Венскую систему и привела к изменению политической карты Европы (хотя вопрос о верхней хронологической рамке Венской системы остается дискуссионным). Однако основы Венского урегулирования обладали большим запасом прочности и продолжали действовать даже в совершенно иной геополитической обстановке.

Возможно ли реализовать принципы Венской системы в современном мире? Ведь современный мир – не однополярный, но и не многополярный в том виде, в каком он существовал в рамках Венской системы. Там были приблизительно равные по силе игроки, заинтересованные в сохранении баланса сил в Европе, да и то соотношения между национальными интересами и общеевропейскими в силу действия дилеммы безопасности достигать было крайне сложно. Кроме того, самые сильные из «пентархии» хотели стать «равнее». Поначалу лидеров «европейского концерта» сдерживала общая опасность, но потом о Наполеоне и общеевропейских войнах подзабыли.

Как подметил Г. Киссинджер, теоретики системы баланса сил часто представляют дело так, будто бы она и является естественной формой международных отношений. На самом деле, по его мнению, на протяжении наиболее длительных исторических периодов для подавляющей части

²⁶ Дегоев В.В. Указ. соч. С. 301.

человечества типичной формой правления была империя. У империй не было никакой заинтересованности действовать в рамках международной системы; они сами стремились быть ею²⁷. Пример современных США, претендующих быть империей и устанавливать на правах сильнейшего свои правила игры, весьма показателен.

Библиография:

- 200 лет Венской системе: проект и практика европейской дипломатии. Материалы IX Конвента РАМИ (Москва, 27-28 октября 2015 г.). Под ред. А.В. Ревякина. М.: МГИМО, 2016, 207 с.
- Алексеева Т.А. Дилеммы безопасности: американский вариант. Полис. 1993. № 6. С. 16-28.
- Володихин К.М. Консервативные ценности Венской системы международной безопасности // 200 лет Венской системе: проект и практика европейской дипломатии, с. 189-196.
- Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700-1918 гг.. М.: РОССПЭН, 2004, 496 с.
- Киссинджер Р. Дипломатия. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1997, 903 с.
- Кудрявцева Е.П. Восточный вопрос в годы Венской системы международных отношений // 200 лет Венской системе: проект и практика европейской дипломатии, с. 112-126.
- Ревякин А.В. Венская система в современной отечественной историографии // 200 лет Венской системе: проект и практика европейской дипломатии, с. 6-40.
- Ревякин А.В. История международных отношений в новое время. М.: РОССПЭН, 2004, 264 с.
- Романова Е.В. «Европейский концерт» в зеркале британских и американских исследований XX века // 200 лет Венской системе: проект и практика европейской дипломатии, с. 41-64.
- Таньшина Н.П. Венская система и Венские соглашения: взгляд из Франции // Россия и современный мир. 2017. № 4 (97), с. 61-76.
- Таньшина Н.П. Венская система: национальные партитуры в «европейском концерте» (к вопросу о соотношении национальных интересов и коллективной безопасности) // 200 лет Венской системе: проект и практика европейской дипломатии, с. 175-188.
- Таньшина Н.П. Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии. М.: Прометей, 2005, 512 с.
- Тимофеев И.Н. Дилемма безопасности: риск вооруженного конфликта между великими державами // Полис. 2009. № 4, с. 8-34.
- Booth K., Wheeler N. The Security Dilemma: Fear, Cooperation and Trust in World Politics. N.Y.: Palgrave MacMillan, 2008, 364 p.
- Herz J. Political Realism and Political Idealism. Howard: University of Chicago Press, 1951, 275 p.
- Herz J. Idealist Internationalism and the Security Dilemma // World Politics. Vol. 2. № 2 (1950), p. 171-201.
- Mastellone S. La politique étrangère de Guizot // Revue d'Histoire diplomatique. 1957. № 4. Octobre-décembre, p. 375-376.
- La Réforme. 1843. 15 septembre.

Bibliography:

- 200 let Venskoj sisteme: proekt i praktika evropejskoj diplomatii. Materialy IX Konventa RAMI (Moskva, 27-28 oktyabrya 2015 g.). Pod red. A.V. Revyakina. M.: MGIMO, 2016, 207 s.
- Alekseeva T.A. Dilemmy bezopasnosti: amerikanskij variant. Polis. 1993. № 6, s. 16-28.

²⁷ Киссинджер Г. Указ. соч. С. 13.

- Volodihin K.M. Konservativnye cennosti Venskoj sistemy mezhdunarodnoj bezopasnosti // 200 let Venskoj sisteme: proekt i praktika evropejskoj diplomatii. S. 189-196.
- Degoev V.V. Vneshnyaya politika Rossii i mezhdunarodnye sistemy: 1700-1918 gg.. M.: ROSSPEHN, 2004, 496 s.
- Kissindzher R. Diplomatiya. M.: Nauchno-izdatel'skij centr Ladomir», 1997, 903 s.
- Kudryavceva E.P. Vostochnyj vopros v gody Venskoj sistemy mezhdunarodnyh otnoshenij // 200 let Venskoj sisteme: proekt i praktika evropejskoj diplomatii, s. 112-126.
- Revyakin A.V. Venskaya sistema v sovremennoj otechestvennoj istoriografii // 200 let Venskoj sisteme: proekt i praktika evropejskoj diplomatii, s. 6-40.
- Revyakin A.V. Istoriya mezhdunarodnyh otnoshenij v novoe vremya. M.: ROSSPEHN, 2004, 264 s.
- Romanova E.V. «Evropejskij koncert» v zerkale britanskih i amerikanskih issledovanij HKH veka // 200 let Venskoj sisteme: proekt i praktika evropejskoj diplomatii, s. 41-64.
- Tan'shina N.P. Venskaya sistema i Venskie soglasheniya: vzglyad iz Francii // Rossiya i sovremennyy mir. 2017. № 4 (97), s. 61-76.
- Tan'shina N.P. Venskaya sistema: nacional'nye partitury v «evropejskom koncerte» (k voprosu o sootnoshenii nacional'nyh interesov i kollektivnoj bezopasnosti) // 200 let Venskoj sisteme: proekt i praktika evropejskoj diplomatii, s. 175-188.
- Tan'shina N.P. Politicheskaya bor'ba vo Francii po voprosam vneshnej politiki v gody Iyul'skoj monarhii. M.: Prometej, 2005, 512 s.
- Timofeev I.N. Dilemma bezopasnosti: risk vooruzhennogo konflikta mezhdru velikimi derzhavami // Polis. 2009. № 4, s. 8-34.
- Booth K., Wheeler N. The Security Dilemma: Fear, Cooperation and Trust in World Politics. N.Y.: Palgrave McMillan, 2008, 364 p.
- Herz J. Political Realism and Political Idealism. Howard: University of Chicago Press, 1951, 275 p.
- Herz J. Idealist Internationalism and the Security Dilemma // World Politics. Vol. 2. № 2 (1950), p. 171–201.
- Mastellone S. La politique étrangère de Guizot // Revue d'Histoire diplomatique. 1957. № 4. Octobre-décembre, p. 375-376.
- La Réforme. 1843. 15 septembre.